

Время Германа

Из обилия кинематографических юбилеев, случившихся в этом июле внутри страны и за ее пределами, шестидесятилетие Алексея Германа — самое неожиданное. Никого не удивляет восьмидесятилетие Бергмана — судя по количеству сделанных им фильмов, ему давно уже должно было стукнуть полтора. Но то, что Герману, по-настоящему разрешенному каких-то лет десять назад и недавно сделавшему четвертый полноценный фильм, — уже шестьдесят, воспринимается как возмутительное несоответствие физического возраста и степени творческой реализации. Впрочем, сказать, что Герман жертвует темпом ради качества, нельзя, — слово "жертва" не из его лексикона, просто ему хватает мудрости не ломать установленный судьбой ритм самовыражения.

Склонный в работе над последним фильмом к перфекционизму, Герман снимал его вызывающе медленно и скрупулезно. Торопиться было некуда, а планка, поднятая "Лапшиным", обзывала. Думается, Герман уже привык, что срок, отделяющий каждый его последующий фильм от предыдущего, все удлиняется. Стремление вспомнить что-то становится точкой отсчета, началом маршрута, который не кончается в финале каждой из германовских картин. Воспоминание не может прекратиться, исчерпать себя — оно может лишь остановиться в ожидании нового эмоционального импульса, ко-

торый позволит продолжить нескончаемый сеанс ретроспекции, общения с прошлым. Возведя воспоминание в эстетический принцип, Герман вступил в особые отношения со временем, не отпускаям ни его, ни его героев, не дающим жить слишком быстро. Ни один из фильмов Германа не прошел гладко, счастливо и безболезненно, превращая творческий путь режиссера в бесконечную борьбу с непролазными снегами: стоит вытащить одну ногу, тут же вязнет другая. Тем не менее оставленные им следы уже отпечатались в истории кино. И их слишком мало, чтобы заподозрить его в суетном желании наследить.

Относительно "Проверки на дорогах" можно спорить: обычны ли это из сотен фильмов о войне (отличающийся только непривычной, несоветской терпимостью к предательству как человеческой ошибке, которую может допустить каждый), или же, при внимательном взгляде и вслушивании в немногосложное описание военного быта, уже различимо то, из чего вырастет лирическая полифония "Двадцати дней без войны" и нечеловеческая плотность звукового и визуального ряда в "Иване Лапшине". Многие видевшие фильм "Хрусталева, машину!" говорят, что там эта плотность и смысловая насыщенность многоуровневой картинки еще выше.

Но пока неизвестно, когда соотечественники Германа смогут подтвердить или опровергнуть оценки каннской пуб-

лики, холодно воспринявшей плод почти десятилетних трудов негибавшего режиссера. И, вероятно, не так далеки от истины предрекающие "Хрусталева" судьбу второго тома "Мертвых душ" — у автора, которого все время клали на "полку", не дрогнет рука положить себя на "полку" самостоятельно, а потом, с присущим ему самодостаточным видом, рассказать по телевизору, почему он это сделал, да так, что ни у кого не останется сомнения: самое радикальное решение было единственно правильным.

Но пока непоправимое не произошло, хочется предвкушать по фотографиям, отрывкам и прежним фильмам, как каждый кадр будет затягивать в себя водоворотом строго организованных деталей, как каждое вроде бы случайное слово, высекая неувольнимые искры, бу-

дет гулять рикшотом по бесконечным извилинам экранной реальности, как лица актеров будут поражать новизной знакомых черт и узнаваемостью незнакомых. Хочется снова почувствовать себя в зеркальном лабиринте, когда взгляда "извне" экрана не отделим от взгляда "изнутри", а переживание рассказываемой истории как собственной жизни сливается с отстранением от собственной жизни как от сюжета чужого рассказа. Хочется породистого, неудобного и неговорящего черно-белого кино, которое уже может само

выбирать, кому ему нравится, а кому — нет.

Лидия МАСЛОВА

Огнедышащий Герман, Герман медлительный, ленивый, Герман ужасный, Герман великолепный... В отдельности ни одна ипостась его не выражает. В сумме они не выражают его тоже, к тому же слагаемых много больше, чем в списке, спасшемся от неполноты многоточием. Герман больше любой суммы, тут нужен другой счет, иные параметры, вероятно, нужно ввинтиться в иное измерение, где способна существовать такая бесконечно (буквально) противоречивая, такая бесконечно (буквально) многосложная цельность.

В нашем измерении Алексей Герман при жизни — и что еще важнее, в разгаре жизни творческой — классик. Всего в 60 — уже давно легенда. Это упорное творение не то чтобы поперек, а просто вне каких бы то ни было течений, рамок, законов, моды. Эти запреты, "полки", тайные просмотры, слухи, шепоты и крики. Эта величественная верность самому себе, когда только из самого себя, из лично-генетической памяти, из материи собственной жизни и души производится кино — а это самое, что ни на есть, кино, а это не значит ли, что Герман состоит из кинематери, то есть по веществу своего существа отличается от прочих особей нашего измерения?

В нашем измерении Герман равен только самому себе. Возможно, поэтому у него по нашим меркам легендарно плохой характер. К счастью. С хорошим, да в нашем измерении такого, как он, не сделаешь. Герман сделал. С чем мы его и поздравляем.

Редакция "ЭС"

Дорогой Леша!

Сегодня, когда тебе исполнилось 60 лет, и ты уже зачислен в классики кино, могу пожелать только одно — также упрямо и неистово идти своей дорогой в искусство.

Вместе с тобой хочется вспомнить всех тех, кто верил в тебя и по мере сил и возможностей помогал твоему становлению как режиссера. Не стану перечислять — список имен велик и состоит из дорогих для всех нас людей.

Скажу только, что первым в том списке был бы Ю.П.

Леша, с новой строки желаю вам со Светланой здоровья и осуществления всех ваших надежд и планов.

Ваша ФРИЖА
(Фрижетта Гукасян)

Самые искренние поздравления Алексею Георгиевичу с днем рождений! От всего сердца. Нежно люблю и целую. Желаю ему всего-всего самого замечательного — успеха, новых замыслов и воплощений и большой удачи во всем. Счастлива, что встретила его. Точнее, что он однажды пришел и пригласил меня в свой фильм. Я много раз рассказывала, как это произошло, но об этом счастливым дне помню всегда и могу рассказывать без усталости. Когда Алексей Георгиевич, Алеша, начал работу над картиной "Мой друг Иван Лапшин", он приехал ко мне домой и предложил небольшую роль проститутки. А на пробах уже посмотрел и сказал "Будешь играть Ардашникову". Я решила, что он пошутил. Правда. А оказалось, что нет. Вот как бывает. Похожее произошло и на фильме "Хрусталева, машину!". Меня пригласили на роль домработницы. Но потом он сказал: "Будешь играть жену, ты мне в домработницах надоела". Может быть, когда-нибудь президентом сделает. Впрочем, нет. Таких картин Герман снимать не станет.

Нина РУСЛАНОВА